

ПЕРВОЕ СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX В.

М.Г. Скорб (Гродно, Беларусь)

Начало XIX в. будоражило сознание европейского общества огромным количеством незаурядных, исключительных событий. Бесспорно, первыми в этом ряду являются Наполеоновские войны и Греческая революция. За этими, исключительно важными, событиями несколько теряется образ первого успешного национально-освободительного движения на Балканах, которым по праву считается Первое сербское восстание. Тем не менее, оно нашло свое отражение не только в собственно сербской, но в равной мере и в российской и европейской исторической науке.

В 1819 г. один из участников восстания, известный сербский писатель и просветитель В. Караджич приехал в Петербург, где встретился с официальным историографом Российской империи Н.М. Карамзиным. Знакомство с ним побудило В. Караджича заняться изучением сербской истории. В 1825 г в Санкт-Петербурге он издал монографию, посвященную деятельности М. Обреновича во время Первого и Второго сербских восстаний. Симпатии В. Караджича явно принадлежат правящему князю – Милошу Обреновичу. Автор прямо говорит о многих ошибках Карагеоргия, характеризует его как тирана с вспыльчивым характером [7, с. 11].

Следом за этой работой, в 1828 г. и в 1834 г., вышли две книги В. Караджича «Первый год сербской борьбы против дахийцев» и «Второй год сербской борьбы против дахийцев». Автор собрал огромное число фактов из истории Первого сербского восстания, однако не осуществил абсолютно никакой их верификации. Поэтому работы В. Караджича носят во многих местах противоречивый и за частую абсурдный характер. Тем не менее, следует отметить, что он впервые собрал сербские источники связанные с историей восстания, многие из которых до нашего времени не сохранились [7, с. 12].

Идейным противником В. Караджича был сербский юрист, историк, выдающийся государственный деятель и публицист Л. Арсеньевич (Баталака). Его основным трудом, сосредоточившим в себе взгляды автора на восстание, стала двухтомная «История сербского восстания». Для него, Карагеоргий является средоточием всех идеалов и устремлений повстанцев. По его мнению, власть Карагеоргия была абсолютной, и получил он ее благодаря воле народа, жаждавшего освобождения от османского ига [1, с. 96].

Таким образом, в изучении истории Первого сербского восстания сформировались две историографические традиции. Одна базировалась на работах В. Караджича, а другая на работе Л. Арсеньевича (Баталаки). Позиции каждого из направлений прямо зависели от того, какая династия находилась у власти. Оба автора были скорее хорошими рассказчиками и публицистами, нежели профессиональными историками. Тем не менее, их важнейшей заслугой является сохранение огромного массива источников, в первую очередь мемуарного характера.

В 1827 г. в Вене В. Караджич познакомился с немецким историком Л. Ранке, который во время общения с сербским просветителем проявил неподдельный интерес к истории Сербии. В 1829 г. вышла его книга «История Сербии по сербским источникам». В этой работе автор впервые называет события 1804-1813 гг. сербской революцией. Однако, говоря о революции Л. Ранке вкладывает в это понятие совсем другое значение: для него «революция» – это перелом в многовековой борьбе христианства и мусульманства. Поэтому революция, в трактовке Л. Ранке, это национальное возрождение сербов, как народа, тесно связанное с религией и церковью. Автор указал на значительное влияние Наполеоновских войн на события Первого сербского восстания. Вместе с тем, роль России и российской поддержки в истории Первого сербского восстания практически не рассматривалась. Л. Ранке пришёл к выводу, что русско-турецкая война 1806-1812 гг. не оказала особого влияния на динамику Первого сербского восстания, ход которого определяла политика Австрии и Франции.

Так были заложены основы двух разных подходов к оценке Первого сербского восстания и роли России в нем. В. Караджич сформулировал базисные положения сербской историографии, а материал, собранный Л. Ранке, стал основой для формирования концептуальных подходов к истории Первого сербского восстания в западноевропейской историографии.

Направление, основанное Л. Ранке, продолжил французский историк А. Тьер. В своей многотомной «Истории консульства и империи» он уделил особое внимание восточной политике Наполеона и противостоянию России и Франции на Балканах. В отличие от Л. Ранке, А. Тьер признавал влияние России на ход Первого сербского восстания, однако описывал ее политику по отношению к Сербии как захватническую и агрессивную. Следует отметить, что он использовал исключительно французские источники [1, с. 103].

Вслед за Л. Ранке марксизм продолжает называть события Первого сербского восстания революцией. Вместе с тем классики марксизма не дают никакого расширительного толкования о том, какое значение они вкладывают в этот термин. Для Ф. Энгельса и К. Маркса, революция в Сербии носит выраженный национальный характер, так как связана с борьбой сербов за национальную, культурную и религиозную независимость.

Говоря о роли России в событиях Первого сербского восстания классики марксизма отмечают, что восстание в Сербии было инспирировано «влиянием и золотом русских царей». Значительное влияние России в Сербии объясняется, в первую очередь, культурной и религиозной близостью обоих народов. По К. Марксу,

пока сербы будут угнетаемы турками-мусульманами единственным своим спасителем они будут видеть только православного самодержца. В то же время, экономические связи Сербии гораздо сильнее с европейскими странами нежели с Россией. Поэтому, как только Сербия получит национальную и государственную независимость влияние России в этой стране значительно уменьшится и со временем сойдет на нет [2, с. 25].

Несмотря на все вышесказанное, К. Маркс и Ф. Энгельс видят позитивную роль российского влияния в Сербии в том, что при поддержке России повстанцы боролись против феодальных пережитков, отразившихся в существовании спахийского землевладения на территории Белградского пашалыка. Такая оценка российской внешней политики в Сербии значительно резонирует с другими оценками России, которые ей давали классики марксизма, называя ее «антиреволюционным колоссом» [2, с. 37].

Творческое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена оказало огромное влияние на мировоззрение сербского демократа и революционера С. Марковича. Свои взгляды в наиболее концентрированном виде он изложил в своей книге «Сербия на востоке», вышедшей в 1872 г. Он впервые указал на социальный аспект в сербской революции. Согласно М. Марковичу, в Сербии был уничтожен целый класс людей считавших сербов своей собственностью. Таким образом, в представлении С. Марковича основным результатом Первого сербского восстания стало успешное решение двух проблем: ликвидирован феодальный гнет и уничтожено политическое влияние турок-мусульман [3, с. 601].

В российской историографии изучение Первого сербского восстания начинается в трудах военных историков А.И. Михайловского-Данилевского, Н.Ф. Дубровина, А.Н. Петрова. Существенной заслугой этих авторов стало вовлечение в научный оборот и публикация большого количества источников, извлеченных ими из архива военного министерства.

Первым к данной проблематике обратился генерал-лейтенант А.И. Михайловский-Данилевский, издавший в 1843 г. двухтомную монографию, посвященную событиям русско-турецкой войны 1806-1812 гг. В каждой главе отдельный раздел посвящен сербскому вопросу. Автор детально характеризует военное сотрудничество России и Сербии, анализирует место сербского вопроса в международных отношениях. В то же время, он идеалистично подходит к оценке идейно-политической обстановки в Сербии, говоря, что сербы были едины в своих устремлениях и желали видеть Сербию монархической в союзе с Россией. Эта точка зрения без каких-либо концептуальных изменений перекочевала и в другие работы российских дореволюционных историков [4].

В 1863 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована статья военного историка, офицера Генерального штаба Н. Ф. Дубровина, посвященная сербскому вопросу первой четверти XIX в. Автор пытался проанализировать военное и политическое сотрудничество России и Сербии в период правления Александра I в целом, однако основное внимание автора оказалось сосредоточенным на отношении петербургского двора к событиям Первого сербского восстания [1, с. 121].

Еще одним военным историком, изучавшим российско-сербское сотрудничество в начале XIX в., был генерал-лейтенант Генерального штаба А. Н. Петров [5.]. Имея доступ к архивам штаба, он стал автором трехтомной монографии, посвященной русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг., отдельные главы которой были посвящены российско-сербскому военному сотрудничеству. А. Н. Петров детально проанализировал совместные российско-сербские военные операции на правом берегу Дуная. В его работе имеется большой статистический материал, характеризующий численность сербских и российских войск в Сербии. Кроме того, автор дал общую характеристику балканскому вектору внешней политики России в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., однако его внимание было более сосредоточено на франко-российских отношениях.

Единственной специальной работой в российской дореволюционной историографии посвященной сербскому вопросу, стала монография Н.А. Попова «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 до 1856 года». В ней автор подчеркнул конфессиональный характер Первого сербского восстания, а российско-сербское сотрудничество представил, как помощь православным в борьбе против мусульман [6].

В целом, история Первого сербского восстания стала предметом исторических исследований только в российской историографии. В остальных странах работы посвященные данной проблематике носили скорее обобщающий и публицистический характер. Интерес российских историков к данной теме объясняется той ролью, которую играла Россия в ходе восстания и ее интересами на Балканах. В российской дореволюционной историографии только началось осмысление самого восстания и роли России в нем. Вся эта работа была прервана событиями революции 1917 г.

Для европейской исторической науки сербский вопрос никогда не был центральным, его зачастую затеняла Греческая революция и Наполеоновские войны, поэтому специальных работ на протяжении XIX в. так и не было создано, а опубликованные работы носили или обобщающий, или публицистический характер. Отсутствие специальных работ в сербской историографии объясняется, в первую очередь, отсутствием профессиональных историков и достаточно сложной политической обстановкой в стране, что придавало историческим работам значительную полемическую направленность.

1. Белов, М.В. Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия / М.В. Белов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – 159 с.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. / сост. Е.А. Степанова, [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 9. – 736 с.

3. Маркович, С. Избранные сочинения / под общ. ред. С.А. Никитина. – М.: Госполитиздат, 1956. – 919 с.
4. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года: в 2-х ч. / А.И. Михайловский-Данилевский – СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9394-mihaylovskiy-danilevskiy-a-i-opisanie-turetskoy-voyny-v-tsarstvovanie-imperatora-aleksandra-s-1806-do-1812-goda-v-2-h-ch-spb-1843>. – Дата доступа: 30.03.2017.
5. Петров, А.Н. Война России с Турцией 1806 – 1812 гг.: в 3 т. / А.Н. Петров. – СПб.: Военная типография, 1885. – Т. 1. – 431 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book1/17>. – Дата доступа: 30.03.2017.
6. Попов, Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 до 1856 года / Н.А. Попов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.promacedonia.org/np/np_1_2.htm. – Дата доступа: 29.04.2015.
7. Толстой Н.И. Слово о ВукеКараджиче / Н.И. Толстой // Славяноведение – 1997– № 4. – С. 9 – 14.

ПРОТОИЕРЕЙ ПЛАКИД ЯНКОВСКИЙ КАК ЦЕРКОВНЫЙ И СВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Е.А. Жук (Минск, Беларусь)

В наше быстропротекающее время, отмеченное различными проявлениями радикализма, экстремизма и прочих крайностей, прославлением их носителей, некоторым образом на заднем плане оказываются люди, внесшие в историю, культуру и что самое главное, духовную жизнь нашего края огромнейший вклад. Неизвестными для современных учащихся школ и ВУЗов являются такие несомненно великие личности, прославившиеся в разных сферах науки, искусства и на ниве духовной. Неизвестны для обывателей Иосиф Семашко, Антоний Зубко, Ипполит (Фердинанд) Гомолицкий, Михаил Бобровский и прочие, без преувеличения, великие дети нашей отчизны и до глубины души её искренние патриоты. Особо заслуживает внимания личность одной из примечательнейших фигур того времени – протоиерея Плакида Янковского. Его жизнь и творчество, духовные поиски и воззрения – это именно то, с чем стоит познакомиться каждому, кто хочет понять значимость процессов, происходивших в нашем крае в XIX веке, веке судьбоносном в истории нашего отечества, веке в котором белорусы почувствовали себя ни кем инными как белорусами. Протоиерей Плакид Янковский – несомненно один из тех, кто сыграл в этом далеко не самую последнюю роль.

Плакид Янковский родился 20 сентября 1810 года в деревне Войской Гродненской губернии (ныне Каменецкий район Брестской области), где его отец служил священником в униатском приходе. Отец Плакида происходил из Мазовии, где эта фамилия и донныне широко распространена. Гавриил Янковский в молодости служил под знаменами Костюшки. После последнего раздела Речи Посполитой принял духовный сан Будущий священник и писатель вырос в среде мелкопоместной белорусской шляхты с ее патриархальными родовыми традициями, не отличавшимися почти ничем от крестьянских. Воспитание, впечатления ранних лет предопределили позицию Янковского как патриота, сохраняемую им всю жизнь [1, с. 4].

После окончания в 1830-м году полного курса Высшей Духовной Семинарии при Виленском Университете, где обучались как римо так и греко-католики. По окончании семинарии Плакид женится и принимает сан, становится профессором находящейся в Жировичах Литовской Духовной Семинарии. В 1839 году являлся Активным участником Полоцкого Собора, ликвидировавшего Брестскую Церковную Унию 1596 года. Будучи православным священником отец Плакид не оставил литературного творчества на польском языке, на котором он общался с домашними и на котором воспитывался. Вместе с тем после Полоцкого собора в Литовских Епархиальных ведомостях начинают появляться его русскоязычные публикации.

Склонность к литературным трудам П. Янковский вынес из Виленского университета, где среди его друзей были подающие надежды писатели. Стал пробовать себя в прозе и стихах с 30-х годов XIX века, но настоящего признания достиг в 40-50-е годы, т. е. когда уже стал православным священником. Писал много, большей частью о том, что хорошо знал – о мещанской, крестьянской и священнической средах того времени. Тонко передавал патриархальную поэтичность своей земли и ее народов. Согласно мнения Юзефа Крашевского, П. Янковский – большой литвофил. Не смотря на Мазоветскопроисхождение, любовь к «матке Литве» соединяла его с литератором Генриком Ржевусским. В жанровом отношении творчество П.Янковского довольно разнообразно – художественная проза, стихи, очерки. Он переводил на польский с английского, итальянского, немецкого, в том числе Шекспира, Гете, Пушкина. Издал на польском языке около сорока книг и различного рода публикаций. На русском языке известно 26 публикаций.

Как польско так и русскоязычное творчество протоиерея Плакида представляют из себя огромную ценность. Открыв страницы польскоязычных произведений отца Плакида, читатель знакомится юным поэтом и философом. В качестве псевдонима писатель избрал английский вариант анаграммы своего имени Плакид. Его веселый, свободный Джон оф Дикалп также имел со священником мало общего. Писательство не всегда сочеталось со священническим статусом Плакида Янковского. С 1856 года о. Плакид приостановил публикации. Случилось так, что он намного пережил свою литературную популярность [1, с. 6].

Читая одно из первых опубликованных произведений отца Плакида, – «Хаос – шепотка ладана в тени четверостиший», читатель знакомится с юным философом, поэтом, человеком с широкими взглядами на жизнь и творчество. Читая «Фанаберии Старосты Каневского», читатель знакомится с непревзойденным чувством юмора автора [2, с. 111].